

Олег Филатов
Беседы с Цесаревичем

Олег Филатов

Беседы с Цесаревичем

«Издательские решения»

Филатов О.

Беседы с Цесаревичем / О. Филатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503493-9

Книга, раскрывающая тайну судьбы цесаревича Алексея, является историографической книгой и знакомит с событиями Гражданской войны. Он долго жил в России под именем Василия Филатова. В ней приводятся архивные сведения о ходе событий в Екатеринбурге в 1918 г. и приводится описание его жизни на Южном Урале, на северо-западе России. Читатель волен делать выводы на основании данных семьи.

ISBN 978-5-00-503493-9

© Филатов О.

© Издательские решения

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
ГЛАВА 1. ПРОВЕРКА ЛЕГЕНДЫ	14
БИОГРАФИЯ ОТЦА	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Беседы с Цесаревичем

Олег Филатов

© Олег Филатов, 2019

ISBN 978-5-0050-3493-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

**За Отрока – за Голубя – за Сына
За царевича младого Алексия
Помолись, церковная Россия!
Очи ангельские вытри,
Вспомяни, как пал на плиты
Голубь углицкий – Димитрий.
Ласковая ты, Россия, мать!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него – любовной благодати?
Грех отцовский, не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка – Алексия!**

Марина Цветаева,
4 апреля 1917 г., третий день Пасхи.

Как-то после очередного разговора отца и сына я (Тэмаш Анжелика Петровна) спросила Василия Ксенофонтовича, как он относится к мемуарному жанру. Он ответил: «Я вообще терпеть не могу мемуарного жанра, а о моих скитаниях читайте у А. М. Горького. Он хорошо описывает это время». А на вопрос: «Почему не пишете?» – ответил: «Да потому, что сквозь все мемуары на света проглядывает образ самого автора. Потому, что рано еще рассказывать, мало еще изменилось общество с 1917 года». На желание сына своею собственной рукой описать его и свою жизнь он ответил: «Не следует начинать столь благородного предприятия прежде, нежели минет сорок лет». Всем членам семьи было не до воспоминаний, не до литературного труда. Только сейчас, спустя 10 лет после смерти В. К. Филатова, после множества медицинских и криминалистических исследований, после изучения архивов каждый из нас понял свою задачу. В 1998 г. в Санкт-Петербурге, в издательстве «Блиц», вышла в свет книга «Спасение цесаревича Алексея. Историко-криминалистическая реконструкция расстрела царской семьи». В ней сообщается о проведенных экспертизах по идентификации личности школьного учителя Василия Ксенофонтовича Филатова и цесаревича Алексея. На основании сопоставлений почерков, фотографий названных лиц методами, общепринятыми в отечественной криминалистике, установлено, что Василий Ксенофонтович Филатов и Цесаревич Алексей – один и тот же человек.

Соответственно Цесаревич Алексей, а не Василий Ксенофонтович Филатов, прожив полноценную жизнь учителя сельской школы, вышел на пенсию в 1967 г.

Все произошло, как просила в стихотворении-молитве Марина Цветаева: крестьянская Россия спасла царевича. В 1953 г., будучи учителем географии в сельской школе, Алексей Николаевич Романов (Василий Ксенофонтович Филатов) вступил в брак с Лидией Кузьминичной Клименковой, 1917 г. рождения, учительницей математики в той же школе, где работал и он сам. У них родились дети: Олег, Ольга, Ирина, Надежда.

Приступив к написанию своей части воспоминаний, мы убедились в том, что самовыражения нам не избежать.

Самая трудная часть работы выпала на долю Олега. Он же вызвал в каждом из нас желание писать и познакомить других со своими мыслями.

История нашего времени представлена в воспоминаниях об одном человеке.

История души высоконравственного и обаятельного человека, нашего современника, будет составлена из мозаики впечатлений людей, хорошо знавших его, – семьи. Я рада, что мне довелось быть знакомой с этим интересным человеком, столь похожим по духу на мою бабушку, Александру Ивановну Кармалееву, 1898 г. рождения, так же, как и он, склонную к оригинальным философским умозаключениям и обобщениям. Их рассуждения о жизни, их чувства, мысли, их духовный мир, я думаю, будут интересны многим.

Итак, первый раз услышала я историю семьи в апреле 1983 года. Я приехала тогда знакомиться с родителями мужа. 26 марта у нас с Олегом была свадьба, и он поспешил поделиться радостью с матерью и отцом.

После робкой весны северного города астраханское солнце показалось мне особо ярким. На Волге в лодках сидело множество рыбаков. Эти весенние уловы так и назывались у сидельцев «весенняя путина». Зазеленели листочки – и сердца людей, размягченные теплом, также были готовы раскрыться для общения.

Утром 2 апреля мы с мужем отправились на метеоре вниз по Волге, в село Икрыное, где тогда проживали его родители. Мать хлопотала по хозяйству, а отец после работы в саду чувствовал себя нездоровым. Любые ссадины и удары вызывали серьезную боль. «Доктора не могут доставить мне никакого облегчения, – говорил он, – предписывают „постельный режим“ в течение дня, а то и двух-трех дней».

Он лежал и читал, прекрасно зная, какое течение последует в этой болезни, а почему знал – для рассказа об этом надо вернуться на несколько десятилетий назад. Но подробней об этом – позже.

Весь день 2 апреля я с увлечением рассказывала о себе и своих родных, отвечала на заинтересованные вопросы. Сначала вопросы носили общий характер, потом они приобрели четкость и лаконичность. Прямые вопросы требовали прямого ответа.

Василий Ксенофонтович слушал внимательно, не перебивал. Потом спросил, а помню ли я своих прадедов. Мой ответ удовлетворил его. Он счел меня достаточно подготовленной для его собственного рассказа.

В его роду был очень известный человек – митрополит Филарет (в миру Федор Никитич). Земли, принадлежавшие ему, находились на Средней Волге, в Костромской губернии. Крестьяне, жившие на митрополичьих монастырских землях, а также родственники имели прозвище Филатовых – это ближе русскому слуху. Филарет-Филафет-Филат – одно имя и означает «любитель добродетели». В период смутного времени Филарет попал в плен к полякам, а после возвращения в Россию принял предложенный ему сан патриарха.

Василий Ксенофонтович рассказывал о Филарете как о человеке опытном в делах политических, имевшем влияние на управление государством. «Вот откуда наши корни. Это надо знать, – любил повторять он, – запомните это».

Рассказ был очень интересным и, конечно, запомнился.

Своему сыну Олегу не раз напоминал он о Филарете, говорил о необходимости изучать языки, разбираться в государственных делах и очень хорошо знать историю, чтобы не делать ошибок.

Василий Ксенофонтович поинтересовался, были ли у меня в роду люди, связанные с церковью. Я рассказала, что мой прадед, Иван Кармалеев, мещанского сословия, имел свой дом в Твери. Дом находился рядом с церковью, в очень живописном месте при впадении реки Тверцы в Волгу. На одном берегу Тверцы расположился женский монастырь, а на другом – мужской.

Весь род Кармалеевых был связан с рекой. Отсюда и такая фамилия. Иван по молодости даже нанимался таскать баржи по реке. Это и сказалось в старости: он заболел водянкой суставов ног. Активно работать не мог, но исполнял обязанности церковного старосты и звонаря.

Церковным колокольным звоном он научил своего старшего сына Арсения, который впоследствии стал дирижером военного оркестра, а также писал картины на исторические темы.

Василий Ксенофонтович интересовался и судьбой остальных детей Ивана Кармалеева, и жизнью Твери в то время. Рассказывал сам о том, что еще в XIV веке за невестой для Государя (княжной Марией) посылали в Тверь, что в его семье хранились родовые списки или, как сейчас называют, родословное дерево. Я спросила, сохранились ли они. «Нет. Революция и войны все смели, – нарушили», – ответил он.

Только после смерти Василия Ксенофонтовича семья стала сопоставлять все рассказы и выяснила, что патриарх Филарет (Федор Никитич Романов) (1553—1633) – отец первого царя из династии Романовых, Михаила Федоровича.

Василий Ксенофонтович не заострял на этом наше внимание. Он говорил, что совсем не просто складывалась жизнь Филарета и его семьи.

В 1601 году Федор Никитич по приказу Бориса Годунова был арестован, пострижен в монахи с именем Филарета и сослан в Антониев Сийский монастырь. Его жена под именем Марфы сослана в Заонежские погосты, а малолетний сын Михаил и дочь заточены в Белоозере с теткой Анастасией Никитичной.

В 1606 году Филарет уже становится ростовским митрополитом. В 1610 он возглавляет «Великое посольство» под осажденный Смоленск, но с частью посольства оказывается в плену у короля Сигизмунда III. На родину Филарет вернулся только через 9 лет и стал помогать сыну.

Василий Ксенофонтович остановил свой рассказ словами:

«Да. Так было много лет назад. А теперь скажи, откуда родом твои бабушка и дедушка».

Я ответила, что моя бабушка, Александра Ивановна Кармалеева, родилась в Твери 18 апреля 1898 года, а дедушка, Ефрем Алексеевич Остолопов, – в 1896 году в Торжке. Иван Кармалеев имел в Твери свой двухэтажный дом, который находился на берегу реки Тверды при впадении ее в Волгу. У Ивана было 10 сыновей и 2 дочери. Кармалеев принадлежал к третьему сословию (мещанин) и имел средний достаток. Его дочь Александра являлась вторым ребенком в семье.

Купец Алексей Остолопов имел свой трехэтажный дом в г. Торжке на улице Болотной, дом №5, напротив церкви. Первый этаж дома был нежилой. Там находились кухня и прачечная. Двор был большой, имелась конюшня. Его сын Ефрем родился в 1896 году, женившись на Александре Кармалеевой, имел дочь Энгелину, которая родилась 27 апреля 1928 года в Торжке. Семья жила на третьем этаже. Даже сейчас, в конце века, дом очень хорошо сохранился. Среди пятиэтажек он выглядит довольно внушительно.

Энгелина Ефремовна вышла замуж за Тэмаш Петру, румына по национальности, родившегося в г. Петрошань округа Тимишоара в Румынии. У них 30 марта 1955 года в Ленинграде родилась дочь Анжелика. Василий Ксенофонтович подчеркнул, что для императорского дома Торжок поставлял золотое шитье. Тут я рассказала о том, что моя бабушка училась этому ремеслу, будучи модисткой в швейной мастерской. После этого он рассказал о Николае II, обратил внимание на то, что был массовый расстрел. Рассказ его удивил меня подробностями описываемых событий и тем, что он говорил о расстреливаемых как о своих родственниках. Рассказывая об Алексее сначала в третьем лице, он незаметно для себя перешел на рассказ от своего имени (от первого лица). Описал подробно спасение мальчика, назвал своих спасителей – братьев Стрекотовых и упомянул о дальнейшей помощи Михаила Павловича Гладких. Мой муж слушал его вместе со мной и спросил отца прямо: «Значит, ты и есть Алексей?» Василий Ксенофонтович ответил: «Я же тебе это уже говорил. Надо запоминать с первого раза!»

Много было душевных разговоров. В спокойной манере, не торопясь рассказать все сразу, а понемногу подготавливая нас к собственным умозаключениям, он добился главного – научил нас мыслить.

Неисповедимы пути Господни.

Находясь в туристической поездке по Болгарии, я имела возможность не только познакомиться с достопримечательностями страны, с культурой народа, но и получить благословение митрополита Пловдивского. Произошло это так.

Было лето 1982 года, июль месяц. Я ходила по старому городу Пловдиву, фотографировала архитектуру эпохи болгарского Возрождения, делала зарисовки интересных деталей. Спускаясь с холма по мраморной лестнице, я увидела православную церковь – старинный дом, утопающий в цветах и кустах роз. Все это было обнесено каменным забором, а у кованых ворот стояли двое мужчин. Я сфотографировала этот живописный уголок. Мужчины остановили меня, спросили, знаю ли я, что за дом за оградой, и пригласили осмотреть его. Мне было интересно, но идти одной в незнакомое место я не решилась. Меня выручил случай.

Трое туристов из нашей группы оказались рядом. Завязался оживленный разговор, правда, на разных языках. Мужчины оказались монахами, обслуживающими митрополичьи палаты, и бойко говорили на болгарском языке. Мы же рассказывали о себе на русском. Они повторили свое приглашение, мы согласились. Резиденция митрополита включала в себя несколько небольших залов для деловых бесед и большой зал заседаний, украшенный резными дубовыми панелями. На стенах размещались портреты главы церкви и главы государства, а также портреты пловдивских митрополитов. Нас ознакомили и с личными покоями, показали келейные иконы и молитвенник в серебряном переплете. Уже заканчивая осмотр, мы неожиданно встретили самого хозяина. Он со свитой вернулся из поездки в Грецию по вопросам церкви. Его сопровождали и светские чиновники, которые вели переговоры и снимали фильм о православии. Мы оказались в центре внимания. Я рассказала о том, откуда мы, о святых местах родного города, о часовне блаженной Ксении Петербургской. Я решилась попросить благословения у митрополита Пловдивского. Владыка благословил меня и напутствовал словами: «Благословляю тебя, раба Божья, на великие дела». Нас пригласили участвовать в вечерней литургии, и мы с благодарностью приняли приглашение. Так началась цепь закономерных случайностей. На следующий день наша туристическая группа отправилась в Казань и на Шипку. Там, на высоте 31 метр над уровнем моря, находится русская церковь Святого Георгия, построенная в честь русских солдат, павших в боях за Шипку. Пока вся группа фотографировалась и суетилась около экскурсовода, я направилась к кладбищу возле церкви. Ко мне подошла женщина и рассказала о могилах, перед которыми я остановилась. Это, по легендам, были люди из дома Романовых, царствовавшего в России более 300 лет.

Своеобразное время переживает наша страна. И старого уже нет, а новое еще не сложилось, хотя и прошло после октябрьского переворота уже более 80 лет.

Помотала жизнь Василия Ксенофонтовича по стране, везде его (интеллигентного человека) принимали с охотой, везде находил он себе дело, но стремился он в Санкт-Петербург. Детей, когда выросли, направлял на родную землю, в родной город.

Так же и мои бабушка и дедушка были направлены в Поволжье, в Татарию, устанавливать советскую власть и налаживать сельское хозяйство. Они учитывали добрые местные традиции и обычаи, помогали татарам, но своими так и не стали. Село, «сложенное» из разношерстной кочующей публики, конечно, не назовешь единым коллективом. Управляться с хозяйством было очень трудно, а на бабушку даже было совершено покушение, но люди закрыли ее своими телами. Поэтому, когда вышел срок, Ефрем и Александра, как и многие другие, покинувшие в разное время и по разным причинам свои края, постарались вернуться назад. Некоторое время они жили в Москве и вскоре были направлены в Ленинград. Дедушка возглавлял строительную организацию, а бабушка – Василеостровский райком партии. Дедушка имел право на ношение оружия. Он не носил форму, но образ жизни у него был как у военных. С первых дней войны он ушел на фронт.

Я рассказывала о своих родственниках, а В. К. поделился своими наблюдениями о жизни в Оренбургской области, в немецко-голландском поселении.

Он говорил, что у жителей села Претория можно и нужно было учиться, а именно: при всем индивидуальном хозяйствовании каждого члена колхоза сама жизнь заставляла их усиливать начала коллективности, толкала к поддержке отдельной личности, но только своей национальности: чужаков не признавали и им не помогали.

В других, внешне благополучных колхозах на деле наблюдался рост безучастности, то есть человек понимает взаимосвязь своего и общего, но его мнения не спрашивают (вероятно, и нужды в том нет), и у него появляется убеждение, что он не в силах что-либо изменить. Он знает, видит, понимает, но не воздействует.

В. К. говорил: «У нас нет материального обеспечения своей свободы и независимости. Огромная масса крестьян и рабочих пришла в состояние неимущего пролетариата. Государственная власть очень сильна, у нее находятся все средства производства, и любое злоупотребление властью сразу сказывается на огромном числе людей».

Вот и сейчас, в конце 90-х, мы видим реорганизацию политической власти, но экономически страна совершенно не подготовлена. Государство сложило с себя обязанности попечения о нуждах личности. Все мы являлись служащими и не имели средств производства. Сейчас разрушено право коллективного пользования уже накопленными богатствами, то есть плодами совместного труда. Государство же не подготовило в должной

мере экономические права человека как личности (то есть право собственности).

В. К. говорил: «Русское государство и русский дух расплачиваются теперь за политические эксперименты тяжелой хронической болезнью. Не такую землю оставляли нам наши предки, благоустроивавшие свой край и завещавшие его нам».

До сих пор я вспоминаю наши беседы. Понятно, что мы разговаривали не только на социально-политические темы.

В. К. рассказывал о своей жизни и своих детях. Вот родился Олег, вот детей уже двое, трое, четверо. С чего начинать воспитание? Дочерьми больше занимается мать. А он, отец, учит сына прибивать доску, пилить дрова, затесать кол, вскопать грядку, править инструмент... Он учит сына не только словесно, а и находит для него настоящее дело.

У В. К. была простая и ясная цель – ЖИТЬ. Я внимательно слушала, как он разбирает житейский опыт других и критически соотносит его со своим.

Прошлое... Опыт предыдущих поколений... Жизнь отцов и матерей, дедушек и бабушек... Почему же мы так часто обращаем мысленные взоры назад? Что мы ищем там, в прошлой жизни?

Наверно, они тоже, делая свою жизнь, оглядывались туда, в глубины народной жизни. И так поколение за поколением. Теперь пришел и наш черед записать, понять, сохранить все то, что было нажито конкретными людьми.

Судьба В. К. имела свою особую историю, неповторимые подробности, и передавал он каждому члену семьи эти картины жизни по-своему. Каждый его рассказ таил в себе новый поворот жизни. Открывались новые и новые обстоятельства. Его рассказы не были точными повторами, а выявляли закономерность. Подробности только придавали событиям точность и объемность.

В сентябре 1984 года приехала в село Икряное моя мама, Энгелина Ефремовна, погостить у родственников. Здесь она впервые услышала о том, что после расстрела царской семьи остался жить один мальчик, коим он и является. Эту трагедию он пережил в юности, и долгие годы удерживал, сохранял в себе обжигающую правду о пережитом.

Мама удивлялась, глядя на этого внешне неказистого человека: откуда брались у него силы, откуда возникала стойкость, где истоки душевной крепости?

Много разговоров было у мамы и В. К. о войне. Ей было 13 лет, когда началась война. Очень быстро гитлеровские войска подошли к Ленинграду, и в городе начали организовываться госпитали. Моя бабушка работала в институте акушерства и гинекологии. В годы

войны ей было поручено переоборудовать его в госпиталь (ЭЕ 1015), специализирующийся на черепно-мозговых и челюстных ранениях. Мама сначала работала там санитаркой, потом телефонисткой, а потом ее стали готовить на операционную медицинскую сестру. Она сопровождала санитарные машины, забирала с поля боя раненых, оказывала им первую помощь и доставляла их в госпиталь.

Мама рассказывала, как они выхаживали раненых и как сами чуть не умерли от дистрофии. Бабушка являлась комиссаром госпиталя и могла бы рассчитывать на хороший паек, но не пользовалась этим.

Василий Ксенофонович рассказал, как он встречал эшелоны из Ленинграда и распределял эвакуированных граждан на квартиры. Люди были истощены до предела, но их рассказы внушали другим веру в победу.

Лидия Кузьминична также рассказала о своем военном прошлом. В связи с частыми переездами она долго не оформляла документы, что была в войну медсестрой. Это сделали мы с Олегом. В военкомате нас выслушали, сделали запросы в архивы, и справедливость возторжествовала. Моя мама помогла разобраться с документами, помогла составить заявление и отвела Лидию Кузьминичну к военному комиссару. Через несколько лет Олег обратился в военно-медицинский архив, где были найдены дополнительные документы, и Лидия Кузьминична получила дополнительную пенсию! Это было уже в 1997 году!

Старшему поколению есть что вспомнить. На их долю выпало много испытаний, но они не стали пессимистами, а, наоборот, радовались жизни.

Мама вместе с Лидией Кузьминичной вместе хозяйничали по дому, вместе бродили по Астрахани, рассматривали старинные постройки и Астраханский кремль. Через несколько дней мы с Олегом также посетили Астрахань, а две бабушки (Лида и Геля) в это время нянчились с внучкой Настенькой. Ей тогда было 8 месяцев. Олег рассказывал об истории края, мы гуляли, навещали его друзей. Дедушка тоже очень любил возиться с внучкой. Он брал ее на руки, но она ни минуты не сидела спокойно, вскакивала на ножки и начинала прыгать у него на коленях. Кисти рук у него были очень большими. От этого казалось, что тела у ребенка почти нет, а прыгают только ноги и голова. Если ребенок был чем-то расстроен, то дедушка пел песенки, частушки и хлопал в ладоши. Иногда он садился к пианино, и они вместе с Настей играли что-то невообразимое. Это ей нравилось. И вот уже бабушка Лида помогала этой крохе самой играть на пианино. Я сфотографировала их. Каждый день я набирала воду в детскую ванну и купала дочку, опуская ее в воду с головой. Брызги летели во все стороны, шумели листья вишни у нас над головой, а в саду смеялся дедушка, наблюдая за купанием. Вечером под этими же деревьями он устраивался на ночлег на кровати с пологом. Обычно ночи под открытым небом проходили спокойно, но иногда из-за пыльных бурь приходилось уходить в дом. По вечерам любили пить чай и разговаривать. Жизнь шла тихо и спокойно, но однажды в сад, а затем в дом забрался вор. Все были напуганы. Успокоил нас Василий Ксенофонович словами: «Страшнее Ипатьевского подвала ничего не может быть, там расстреливали. Вор же случайный человек».

Он взял топорик и пошел спать в сад. Мы же долго не спали, обсуждали происшествие.

Внешность В. К. была такой, что я испытала нетерпение, которое хорошо известно художникам, видящим, наконец, модель, которую хочется нарисовать. Выразительные глаза, затененные карнизом густых бровей, поразили меня своей мудростью, как будто они впитали в себя жизнь века, его боль. Сухощавое лицо пергаментного цвета.

Я пыталась делать наброски, но он стеснялся и уходил в сад. Не любил он и фотографироваться. Садился где-нибудь в тени и на фотографии плохо получался. Однажды мы (я, Олег и В. К.) чинили крышу, застилая ее новым рубероидом. Когда наша работа подходила к концу, мне удалось сфотографировать В. К., так как при своей хромоте быстро спуститься с крыши он не мог. Он смущенно улыбался и повторял: «Да ладно тебе».

Рисовала я не только Василия Ксенофонтовича. Набираясь впечатлений, ходила к Волге, смотрела на ветвистые деревья на ее берегах и на деревни, похожие на кучки опят, от них веяло чем-то древним. Вода, берег, горящий бакен. Но только захочешь воспроизвести это, сразу поймешь, как все это трудно, таинственно и в то же время удивительно просто.

Олег звал отца на Волгу рыбачить, но В. К. отказывался, говоря: «Куда мне за вами поспеть! Я только по саду хожу». На следующее утро Олег взял удочки, заготовил червей, захватил хлеба для прикорма рыбы, получил наставления отца и вместе со мной и своей сестрой Ириной отправился ловить рыбу. Утро выдалось очень туманным, но солнце поднималось все выше, и пейзаж изменился, стал более жизнерадостным. Я, не теряя времени, принялась рисовать небольшое рыболовецкое судно, мирно дремавшее в сизом тумане на зеркальной воде.

Муж удачно порыбачил, поймал несколько окуней и красноперок, но отец подсмеивался над его уловом. Тогда Олег договорился с друзьями, и мы на катере поплыли к рыболовецкому судну и купили огромного жереха. Рыба эта, как и судак, сазан, лещ, сом, залегает на зимовку в ямах и называется ямной.

Вечер мы провели на берегу реки у костра, варя в большом казане (котле) свежую уху. Мы также купили несколько килограммов леща, и я первый раз в жизни солила и вялила рыбу. Потом зимой мы угощали родных и знакомых своими заготовками.

Дом стоял на Красном бугре, а вокруг находилось бесчисленное множество поросших камышом ильменей (полупроточных водоемов) и култуков (заливов). В 150 метрах от дома протекал ерик Хурдун, откуда насосами качалась вода для полива садов и хозяйственных нужд поселян. Лидия Кузьминична первым делом каждое утро поливала свой сад, а потом уже жарила лепешки и звала всех к чаю. Вечером она садилась за шитье и вышивку, шила наряды дочкам, внучкам, соседям. Все любили ее творения. Василий Ксенофонтович говорил: «Сохранение традиционной русской культуры необходимо. Славянский народ любит свободный покрой одежды, а тяжелый боярский наряд – следствие татарского влияния на славянские традиции. Петр Великий был убежден в этом». В. К. вспоминал и Александра III: «В конце прошлого века армия получила военное платье русского покроя. Сам царь всегда носил новый русский мундир. Русская армия получила удобное и практичное обмундирование».

В детстве девочки щеголяли в вышитых блузках, а Олег – в красной русской рубашке с кушаком.

Закончился наш отдых. Потом в Ленинграде мы вспоминали его, писали письма в Астрахань и получали весточки сами.

«Анжелика и Энгелина Ефремовна, поздравляем вас с праздником, желаем вам крепкого здоровья, счастья во всем, отличного настроения. У нас весна, на деревьях набухают почки. Разделяем грядки, скоро будет редиска, которую я посадила в январе. В апреле буду рассаживать клубнику. В комнате уже рассада перцев, помидоров. Помидоры набирают цвет. Возшли огурцы. Пишите, как течет ваша жизнь. Абрикосы поспевают 15—20 июля. Олегу лучше отпуск взять осенью. Поцелуйте за меня Настеньку. Анжела, пришли свою мерку. Целую всех. Ваша мама».

В следующий раз мы приехали в Икряное в конце мая 1985 года. Много было работы в саду. Акименко, друг мужа, дал нам машину «газик», и мы поехали за покупкой металлической сетки для ограды. Разговоры о замене камышового забора шли каждый год. Сетка была куплена, и начались работы. Мы врыли новые деревянные столбы, сделали новую калитку, скосили траву, натянули сетку. Сад стал еще просторнее. Мы засыпали дорожки гравием и забетонировали их. Сад преображался. После работы мы ходили купаться на реку. Покупали фрукты и другие продукты и вечером, когда жара спадала, с удовольствием ужинали. Привезли однажды среди дня дрова для отопления зимой. Никого не было дома, кроме меня

и Василия Ксенофонтовича. Нам двоим пришлось разгружать машину и потом закатывать большие чурбаны в сад. В. К. ковылял, кряхтел, но работал быстро. В 1987 году мы приехали к бабушке с дедушкой уже с двумя внучками – Настей и Ярославной. В саду играл еще внук Антон (сын Иры). Дети стали весело играть, забавляя взрослых. В. К. болел, подолгу лежал на своем маленьком топчанчике. Я рассказывала, как лечились на озере Селигер в пещерах. Во время войны там был госпиталь. Соляные пещеры помогали многим. Об этом мне рассказывала моя бабушка. В. К. вспоминал свою молодость и говорил, что он там тоже был. Мы с мужем ездили в Астрахань, искали нужные лекарства. Василий Ксенофонтович, несмотря на тяжелый недуг, всегда оставался оптимистом. Страдания, пережитые в детстве, не сломили его. Через всю жизнь он пронес веру в великую и сильную Россию. Он говорил: «Она вернется к своим многовековым традициям. Народ научится не разрушать, а созидать».

Василий Ксенофонтович посильными для себя методами, то есть учительством, пытался оказать влияние на молодые умы и привить им богатейшие культурные и исторические традиции. Этому он учил всех: и учеников, и своих детей, и своих внуков.

Особое внимание он, естественно, уделил сыну, воспитывал в нем благородство и достоинство. Через обучение в семье он передавал сыну профессиональные знания и навыки, требуемые для управления государством.

Книга, представленная вашему вниманию, состоит из нескольких частей.

Основное место в книге занимают воспоминания Олега Филатова. Это и понятно. В силу специфики российской истории и жизни семьи цесаревича при советской власти, под каким бы именем он ни жил, кем бы ни работал, свой опыт он мог передать только сыну.

Кроме описания быта, книга содержит также обзор прессы, архивные материалы, оценки судебных медиков и юристов. Приведена позиция Генеральной прокуратуры России, которая отрицает результаты проведенных экспертиз, не отрицая, однако, работоспособности использованных при их проведении методов во всех остальных случаях. Такая позиция Генеральной прокуратуры может быть понятна и целесообразна только в одном-единственном случае: для того чтобы признать идентичность личностей В. К. Филатова и Цесаревича Алексея, ей уже давно достаточно данных экспертиз, проведенных квалифицированными криминалистами по их инициативе на основе работоспособных во всех остальных случаях методов. Но подтверждение идентичности личностей В. К. Филатова и А. Н. Романова методами генетической экспертизы придаст результатам уже проведенных экспертиз по существу статус неопровержимых. А это не укладывается в политический заказ, который отрабатывают чиновники прокуратуры, поскольку переводит все множество монархических сценариев в совершенно иное качество: появляется еще один монархический сценарий, наиболее неудобный для правящей «элиты».

Читатель, прочтя эту книгу, возможно, задумается о своей жизни, о жизни своего и предыдущих поколений. Мы на это надеемся.

Тэмаш Анжелика Петровна¹

¹ На фотографии на обложке Романов А. Н. (он же Филатов В. К.) с женой Лидией Кузьминичной сыном Олегом и дочерью Надеждой., а также слева родная сестра супруги Романова А. Н. Ольга. Спустя десятилетия возвращение на памятные места. Ленинград 1964 г., Центральный парк культуры и отдыха.

ГЛАВА 1. ПРОВЕРКА ЛЕГЕНДЫ Мысли у Ипатьевского дома.

Дорога длинная, пустая была так долго без огня.
И вот пришла заря святая, которая спасла меня.
Отцы и деды, поколенья восстали мигом,
Рядом в ряд.
И мы, как воины России, должны спасти ее опять.
Благая вера, где ты в людях?
Встань, воспрянь и воскреси,
В Россию веру вековую в народе нашем укрепи.
Заветы предков поминая,
Нельзя России изменять.
О Русь!
Воскресни, созидая,
Чтоб, созидая, побеждать.

Олег Филатов. Октябрь 1995 г.

Когда приходит час судьбы

Когда приходит час судьбы,
Мы поминаем всех усопших.
И на останках тишины
Мы мысли наши поверяем.
Мы помним все, все, кроме снов, —
История, судьба, Россия.
Когда приходит час судьбы,
Мы поминаем всех героев.
И день и ночь, и тьма и свет,
Борьба, смятение души,
И горе, счастье и любовь
Нас посещают в час единый.
Приходят новые огни —
Огни, которых ожидали.
Мы все, конечно, сплетены
И нашим горем, и печалью.
Судьба и Бог, и мы – России верные сыны:
Сегодня путь мы выбираем.

Олег Филатов. Сентябрь 1994 г.

Я часто думал над тем, как рассказать правду о моем отце. И вот, разговаривая со своими друзьями, коллегами, знакомыми, я пришел к выводу, что изложить ее надо так, как говорил об этом он сам. Это не исторический персонаж из далекой эпохи, а наш современник, родившийся в начале века и все 84 года вместе со своим народом переносивший тяготы, страдания, голод, репрессии. Трудно себе представить, каково было ему, осознавшему, кто он есть, мол-

чать многие годы. Сколько пришлось ему повидать и перенести, чтобы спасти себя и свою семью, детей. Всю правду до конца мы, может быть, никогда не узнаем, но надо, очевидно, к этому стремиться. «Non progredi – esta gredi» («Не идти вперед – значит идти назад»).

Отец прожил долгую жизнь. Свои физические недостатки он восполнял постоянным стремлением к гармоничному развитию и знаниям. Это давало ему стимул к жизни. Мы, дети, родились, когда он был уже далеко не молод, и он воспрял, почувствовал новый смысл в жизни. А когда родились внуки, он наконец раскрылся и рассказал их матери, моей жене Анжелике Петровне, о своей трагической судьбе. Это было в 1983 году, за пять лет до его смерти. Тогда мы поняли, что отец и тот мальчик, о котором он рассказывал как о расстрелянном в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, но не убитом в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге, – одно и то же лицо, то есть что он – Алексей Николаевич Романов. До этого он рассказывал нам об этом иносказательно, каждому какой-то свой отрывок. Теперь мы собираем все его рассказы и наши воспоминания о нем для того, чтобы лучше понять случившееся. Часть воспоминаний членов нашей семьи – его детей и жены Лидии Кузьминичны (благодаря которой он, собственно говоря, и прожил столько лет) – уже изложены в газетных статьях и стали основанием для специальных исследований, проведенных специалистами и продолжающихся сейчас. К сожалению, в этих воспоминаниях много пробелов: рассказывал он скупно, а мы были детьми и лишних вопросов не задавали, а просто верили ему. Как не верить своему отцу, когда видишь, как он страдает, и понимаешь, что жизнь его могла сложиться совсем иначе! Возможно, придется повторяться в этом изложении, но это не страшно. Самое главное – быть честным (это основной принцип) и рассказать правду, какой бы она ни была. Конечно, очень многое могли бы подсказать архивы, закрытые и открытые, куда мы не можем попасть в силу некоторых обстоятельств, частью из-за безденежья, частью из-за страха, который живет в людях. Но, не прочитав этой страницы, которая всех нас должна обязывать не допустить повторения подобного, мы не узнаем, как бы могла сложиться история нашего государства, если бы не совершилась эта революция. Если уж речь идет о покаянии, то предстоит разобраться и в том, кто же совершил убийство Императора Николая II. Почему до сих пор никто из руководителей страны, никто из судебных медиков, юристов не предложил нормальной версии тех событий июля 1918 года? Как сложилась жизнь людей, причастных к этой екатеринбургской трагедии? В 1988 году, умирая, отец сказал: «Я вам рассказал правду, и вот до чего большевики довели Россию». Мы, его дети, знаем, что он нас не обманывал. К сожалению, он мало нам рассказывал, и до сих пор у нас возникают к нему вопросы. Но дух его как бы с нами, и мы обращаем к нему свои вопросы, иллюзорно проникая в то время и общаясь с ним. Пока родители живы, воспринимаешь это как должное, не задумываясь о том, что они не вечны. Поэтому теперь нам приходится по крупицам собирать то, что он рассказывал, дополняя его историю собственными размышлениями и новыми фактами, обнаруживающимися в последнее время. Поэтому рассказ отца перемежается моими рассуждениями. Изыскания не окончены. Этот тяжкий крест, который лег на нас, нам помогают нести друзья, родственники, соратники, ученые, заинтересовавшиеся этой историей. Надеюсь, что в результате все мы вместе узнаем правду. И это будет настоящим покаянием.

Да, это фантастичная и не до конца распутанная история. Первая реакция большинства людей на нее: «Не может быть!» При столкновении с неизвестным дети спасаются плачем, а взрослые стараются отмахнуться и не замечать этого. Видимо, поэтому, несмотря на ряд серьезных экспертиз, проведенных по нашей инициативе, и большой фактический материал, накопленный к сегодняшнему дню разными учеными, официальные структуры не занялись всерьез расследованием этой истории, в которой еще очень много белых пятен. Нет ни одного доказательства, что это не так. Но никому не интересно до конца проверить, так ли это. А может быть, дело в том, что такая история не всех устраивает... Это одна из форм беспамятства, один из способов забытья. Я человек православный и глубоко убежден, что только неверую-

щим надо доказывать. Конечно, мы, его жена и дети, просто верим своему отцу, но и для нас не все до конца ясно в его жизни, потому что ему приходилось скрываться, чтобы не подвергнуть опасности нас и людей, которые ему помогали. Поэтому мы пытаемся найти все больше фактов, чтобы узнать всю правду об этом мученике, прожившем долгую жизнь и испытавшем и повидавшем столько, что этого хватило бы на несколько жизней. А что касается фантастичности этой истории, то спасение ни в чем не повинных детей от жуткой смерти – чудо. Господь уберег.

БИОГРАФИЯ ОТЦА

С чего же это все-таки началось? А началось с того, что отец сам натолкнул нас на то, чтобы мы стали изучать его судьбу. Натолкнул своими рассказами о том, что он знал о расстреле царской семьи. Особое значение для семьи имел тот факт, что один мальчик остался жив после расстрела царской семьи в Екатеринбурге, а в 1983 году мы получили от отца полную и подробнейшую информацию о том, что этим мальчиком, то есть цесаревичем, был он сам. Эта информация соотносилась и с фактами, изложенными членами государственной комиссии в средствах массовой информации. Позже семья решила на более активные действия. В рамках уголовного дела, проводившегося по факту убийства без суда и следствия семьи Николая II, было сказано о том, что тела двух детей Императора – цесаревича Алексея и его сестры Марии – не обнаружены. Мы познакомились с тем, как вел расследование следователь Николай Алексеевич Соколов. Изучили материалы книги. Познакомились с показаниями Владимира Николаевича Деревенко, врача наследника. Ознакомились с материалами допросов штабс-капитана Симонова, в последующем члена Колчаковской контрразведки, а также следователей И. А. Сергеева, В. Ф. Кирсты, А. Наметкина. Прочли рапорт прокурора Казанской судебной палаты Миролюбова министру юстиции Стрынкевичу о ходе предварительного следствия по делу об убийстве Николая II и его семьи от 12 декабря 1918 года. От судебного следователя Томашевского выяснилось, что многие из вышеперечисленных лиц имели мнение, что не все погибли в результате расстрела в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Особо следует выделить мнение штабс-капитана Симонова. Дело в том, что штабс-капитан Симонов до занятия города Екатеринбурга белочехами служил в штабе 3-й армии Берзина, о чем пишет в своей книге генерал М. К. Дитерихс, что переправлял офицера в армию Колчака. После взятия города он служил у адмирала Колчака начальником отдела разведки и контрразведки. Он лично доложил адмиралу Колчаку о том, что, по имеющимся у него данным, дети царя были спасены. Однако далее генерал Дитерихс эту тему не развил, имеются в виду данные, которые изложил штабс-капитан Симонов.

К этому надо добавить, что из всего объема материалов, опубликованных на тему исследований гибели царской семьи, обращает на себя внимание тот факт, что нигде не прослеживается жизнь и судьба стрелков внешней охраны Ипатьевского дома. Мы можем получить из различных источников данные только о команде расстрельщиков, причем подробно.

А те люди, солдаты, из числа местных жителей, стрелки внешней охраны, кто они были? Какие родственники у них были, где жили, чем занимались и какими связями обладали? К тому времени положение было шаткое, советская власть еще не установилась на Урале. Люди жили, руководствуясь прежним миропониманием. Как быть, когда завтра, возможно, власть переменится? Что их ждет, если придут белые? В эти дни, общаясь с семьей царя, они могли получить иное представление об этих людях, а тут прямой контакт, то есть люди переосмысливали свое положение. Сколько времени они должны были охранять Ипатьевский дом, они не знали, что ждет их дальше, они подвергали себя риску. Их могли найти и потом, белые и сторонники царя, и спросить с них за их службу советской власти.

Надо отметить, что исследователи не изучали судьбы тех детей Николая II, которые были подвергнуты расстрелу, но не убиты, а тем более не рассматривался вопрос о том, кто мог их спасти, если допустить, что они остались живы, т. е. это Цесаревич Алексей и Великая княжна Мария. Из рассказов отца мы, дети его, знали, что спасителями были братья Стрекотины, Александр и Андрей, и Филатовы Александр и Андрей из первой роты 1-го Крестьянского полка, который находился в Екатеринбурге. Помогал также Василий Никанорович Филатов, родной брат Афанасия Никаноровича Филатова, который приходится отцом Ксенофонту

Афанасьевичу Филатову. Василий Никанорович проживал в Екатеринбурге до 1921 г., а когда закончил службу в армии, вернулся к себе в Шадринск.

После ознакомления с архивами ЦК КПСС, посвященными этому делу, выявлено, что о братьях Стрекозиных никакой информации нет. Имеется информация о корсетах с бриллиантами, сданных Юровским, но при этом отсутствует информация о двух корсетах, т. е. корсетах Цесаревича Алексея и Великой княжны Марии Николаевны. За операцию по доставке царских ценностей отвечал Юровский. Куда же Юровский дел эти корсеты? Как же он мог допустить такую недостачу? А может быть, они находились у него в качестве платы за свободу двоих царских детей? Для этого надо вникнуть в его биографию. Посмотреть, какими качествами обладал этот человек, какие у него были привязанности, недостатки, посмотреть, что двигало этим человеком в жизни, ведь он родился задолго до революции.

И вот мы видим, что у Юровского была с юности любовь к поиску кладов. Он искал клады и был богат. С 1905 г. жил в Берлине. Данные его биографии можно обнаружить в книге О. А. Платонова. Находясь в Германии, а на этот факт вообще мало кто обращает внимание, на то, что, помимо того что он меняет свое вероисповедание, а это всегда подразумевает внутренний слом у человека и подчинение другому мировоззрению, он становится еще и человеком, который может выполнять волю других людей. Юровский, проучившись в школе всего 1,5 года, получает в Берлине образование профессионала-фотографа. Прожив в Германии 7 лет, он незадолго до начала первой мировой войны, в 1912 г., появляется в России, на Урале, в районе сосредоточения оборонной промышленности Российской Империи. В этом же году он открывает свою фотомастерскую и начинает работать. Он делает картотеку всех видных жителей Екатеринбурга: представителей администрации, руководителей предприятий. И не исключено, что он передавал всякую необходимую информацию противнику, ведь до революции еще целых пять лет. По рассказам моего отца, а также и другим имеющимся фактам и документам, многие засланные в Россию или завербованные немецкой разведкой агенты, проживавшие на ее территории как в первую мировую войну, так и перед Великой Отечественной войной, по приходу фашистов сдавали им списки неблагонадежных советских граждан. Последствия очевидны.

Так, в течение 17 лет жил и работал в одной из областей в приграничье, в Белоруссии, главврач областной больницы. В 1941 г., по приходу немцев, он сдал списки на 100 человек активистов, которых немцы отправили в гестапо.

Так вот, Юровский затем сдал свою картотеку в ЧК, и по ней чекисты совершали налеты на квартиры граждан. Схема действий одинакова.

В 1914 г. Юровский призывается в армию, в тыловые части, где он опять направляется на учебу, становится военным фельдшером и опять служит в тылу. Постоянно общаясь в тыловых частях с личным составом госпиталей, с офицерами и солдатами, прибывающими с фронтов на излечение, он получает нужную ему информацию. Эти и другие факты говорят о том, что он, возможно, был не тем, за кого себя выдавал. В 1917—1918 гг. шли переговоры с немцами в Брест-Литовске, и опять Юровский на нужном месте, обеспечивает охрану заложников, т. е. семьи Императора Николая II. Причем вначале привозят Императора, Императрицу и нескольких детей, а Цесаревич с сестрой остается в Тобольске. Как же так? Ведь самая главная задача и состояла в том, чтобы наследников императора не оставить в живых. Значит, в тот период времени самой главной задачей было проведение переговоров с немцами. Таким образом, прямая связь во время переговоров с немцами осуществлялась в Екатеринбурге через Юровского. И вот после отказа Императора подписать сдачу России немцам Юровский получает команду на ликвидацию заложников. Но как? За три недели до расстрела всю русскоговорящую охрану и доктора Деревенко убирают из Ипатьевского дома и заменяют немецкоговорящими лицами. После ликвидации семьи немецкоговорящих охранников уничтожают — это

5 человек, а вся вина за расстрел падает на русскоговорящих, а они, вопреки всему, спасают часть семьи Императора Николая II.

Задание противника Юровский выполнил. Затем он забирает бриллианты и 3 вагона царской одежды и выезжает в Москву. А Цесаревич Алексей проживает в Шадринске у Филатовых, и ведь надо же такому случиться, что рядом с Филатовыми проживают некие Юровские. Кто они? 24 февраля 2000 года мы получили ответ из Шадринского городского архива, в котором говорилось о том, что в фонде Шадринской городской управы в раскладочной ведомости в доход города на 1915 год значатся несколько владельцев недвижимого имущества с фамилией Юровских. Почти все они выходцы из крестьян Макаровской волости Шадринского уезда: Петр Андреевич, Иван Андреевич, Емельян Яковлевич, Иван Иванович, Петр Алексеевич, Иван Осипович и Анна Кирилловна Юровские. Сегодня трудно судить о том, были ли они родственниками того Юровского или нет, но такое совпадение существует. Родственники? Это значит, что они не имели связи с этим Юровским. Предки Юровского были сосланы за воровство в Сибирь, при этом родные очень не любили его за жестокое поведение, а также за его отношение к ним.

Затем Юровский в течение года – с 1918 по 1919 гг. – начальник районного отдела МЧК на секретной работе. С 1919 по 1920 гг. он опять в Екатеринбурге и опять трудится в ЧК на секретной работе. В 1920 г. он назначен начальником Гохрана, опять допущен к государственным секретам. В 1923 г. он отвечает за секретную операцию по перевозке русской короны, державы и скипетра в японское представительство в Чите для последующей продажи их в Америку и в Европу через Маньчжурию. Он провалил эту акцию. Произошла утечка секретной информации. Юровский снят со всех постов. Он лишен допуска к государственным секретам. После этого он работает на разных предприятиях, не связанных ни с какими секретами. В 1938 г. он умирает. Вплоть до 50-х годов о нем никто ничего не рассказывает. Затем его дети вновь напоминают о его подвигах. Такова судьба этого деятеля. Материалы о его биографии можно обнаружить в бывшем партийном архиве Свердловска, а ныне Екатеринбурга (ф. 221, оп. 2, д. 497), а также в журнале «Наше наследие» (1991, №2, с. 40—41; №3, с. 47). А о его участии в уничтожении царской семьи рассказывал мне отец в 1961 г.

Остается непонятным, почему Юровский, будучи профессиональным фотографом, не сделал фотографии членов царской семьи ни до расстрела, ни в ходе расстрела, а если и сделал, то где эти снимки? Следователь Н. А. Соколов записывает рассказ охранников о Стрекотиных. На них же ссылаются в своих показаниях и расстрельщики, и стрелки внешней охраны. Именно они знали, кто и где стоял, кто что делал, но при этом ни белые, ни красные их не допрашивали, и сам следователь Соколов также не ссылается на них как на основных свидетелей, чьи рассказы, видимо, и послужили основой для работы белого следствия. Братья Стрекотины были на Дутовском фронте, а затем вернулись в предместья Екатеринбурга, где жили, затем их взяли в охрану Дома особого назначения. Сохранились воспоминания Александра Стрекотина о семье Николая II, описание внешности членов августейшей семьи, их стиля поведения в жизни. Судьба одного из братьев, Андрея, со слов отца, трагична, об этом ему рассказал в годы гражданской войны Александр Стрекотин, который приезжал к нему ненадолго в Шадринск. Это свидетельствует о том, что он был знаком с членами семьи Филатовых или до того, как произошли все вышеперечисленные события, или знакомство произошло уже в Екатеринбурге. Другого вывода пока не напрашивается. Андрей Стрекотин погиб 18 июля 1918 года на реке Исети от шальной пули. Отец так мне рассказывал о его гибели, естественно со слов Александра Стрекотина: «18 июля это случилось. Сидели они в окопчике у реки Исети. Тогда уже шли бои на подступах к Екатеринбургу. Андрей говорит Александру: „Тяжело мне Саша, чувствую, убьют меня сегодня. Давай попрощаемся, обнимемся напоследок“. – „Андрей, да что ты говоришь? Брось ты!“ – „Да нет, Саша, чувствую я“. Обнялись они.

И после этого Андрей высунул голову из окопчика, и тут шальная пуля угодила ему прямо в лоб».

А по рассказам Александра Стрекотина, он остался жив только благодаря тому, что ушел с командиром партизанского отряда Н. Д. Кашириным в леса, дошел с ним до Перми, до Кунгурских пещер. Затем он работал конюхом в обкоме партии в Екатеринбурге, а после этого был начальником МТС, у него была семья. Его жена еще была жива в 1988 г., а 22 января 2000 г. нам позвонили родственники Александра Стрекотина, живущие в Екатеринбурге. Они рассказали нам, что дядя Саша погиб загадочной смертью в начале 60-х годов, выпав на ходу из легкового автомобиля. Трое его сыновей также погибают. Все это происходило в то время, когда мой отец рассказал мне о судьбе царской семьи, о ее убийстве. В начале 60-х годов мы также уезжаем с Урала на север России. Отца также начинают искать как из-за рубежа, так и в России. О том, что это было так на самом деле, мне стало известно от секретаря княгини Ирины Юсуповой, издателя, господина Спелара, в ноябре 1999 г., когда я был в Нью-Йорке и он, подписывая у меня книгу, таинственно мне заявил об этом. Я спросил его: «Зачем вы искали отца? Хотели ему помочь или хотели его убить?» Ответа не последовало. Исследователей последних дней жизни царской семьи еще ждут впереди многие открытия и документы, которые пылятся на полках архивов, как русских, так и зарубежных. Следует обратить внимание на упоминание шведского писателя и переводчика Стаффана Скотта в его книге «Романовы» о том, что «... из многочисленной когда-то ветви Константиновичей не осталось ни одного мужчины (разве что двое Романовых, исчезнувших без вести после революции, чудесным образом выжили в Советском Союзе)» (Скотт С. Романовы. 1989 г. Екатеринбург: Издательство «Ларин», 1993. С. 22). Следует отметить, что книга Стаффана Скотта вышла в 1989 году, и удивительно, что это событие совпадает с выходом в России книги Э. Радзинского «Господи... спаси и умири Россию», где также содержатся сведения о спасении двоих детей, но детей Императора Николая II – Цесаревича Алексея и Великой княжны Марии. Что это? Совпадение или установленный факт? Далее Стаффан Скотт ни разу более не повторяет о спасении двоих Романовых в своей книге, даже тогда, когда рассказывает о своей встрече с родственницей этих людей, Верой Константиновной Романовой, т. е. дочери К. Р. В главе «Советский Союз и Романовы» Стаффан Скотт пишет: «Отношение с советской стороны к пережившим революцию Романовым также претерпело изменение по сравнению со стереотипными обвинениями поколения времен революции. Советская тайная полиция – ЧК, НКВД, КГБ и так далее – никогда не чуралась покушений на русских политиков в эмиграции или на перебежчиков. Но никто не слышал о покушениях на выживших членов дома Романовых или их похищениях. Поскольку они не представляют политической угрозы против советской системы, их не травят – кроме разве что редких нападков на претендента Владимира Кирилловича. Мы также знаем, что Романовым не чинилось препятствий для посещения Советского Союза. С начала шестидесятых годов многие члены династии приезжали в СССР туристами, в том числе историк Никита Никитич. Отношение к ним советских граждан, с которыми они встречались, сводилось к доброжелательному любопытству» (Скотт С. Романовы. С. 272—273).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.